

УДК 93(571.56)

Губернатор Скрипицын и еврейский вопрос: вразрез с имперской линией

Л. В. Кальмина

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
РАН, г. Улан-Удэ*

Аннотация. Статья посвящена изложению позиции Якутского губернатора В. Н. Скрипицына по вопросу пребывания евреев в Сибири, которая значительно отличалась от закрепленных законом правил.

Ключевые слова: черта оседлости, причисление, податное сословие, приемный приговор, право передвижения.

Еврейский вопрос занимал в деятельности правительства Российской империи особое место. Практически все структуры системы государственного управления были регуляторами правового положения евреев. Оправдывая необходимость не в меру интенсивного «еврейского законодательства», предусматривавшего притеснения за саму принадлежность к еврейской нации и иудейской религии, Российское государство руководствовалось двумя принципами: что евреи – противники христианства, опасные для господствующей церкви [8, с. 515], и что они по роду своих занятий элемент вредный для населения, сознательно «расстраивающий благосостояние русского крестьянства». В конце XIX в. к всеобщим представлениям об «эксплуататорской сущности» евреев добавился негативный стереотип их поголовного революционаризма, что в известной степени было правдой: евреи в силу своего неполноправного положения и национального унижения неизбежно должны были «производить» из своей среды революционеров [2, с. 10].

Существование евреев в Сибири поставило вопрос о специальном сибирском «еврейском» законодательстве, поскольку регион считался территорией, на которой «относительно евреев установлены особые ограничительные правила». Сложившиеся общеимперские стереотипы, накладываясь на сибирские условия, приобретали специфические региональные нюансы, а преломляясь через субъективные представления сибирских администраторов о способах решения еврейского вопроса, служили осложнению/облегчению жизни еврейского населения региона.

Среди сибирских губернаторов, с различной степенью служебного рвения исполнявших очередную инструкцию о пребывании евреев в регионе, Якутский губернатор В. Н. Скрипицын выглядел настоящим вольнодумцем, поскольку имел свою собственную позицию по урегулированию ряда спорных правовых вопросов, которые постоянно «спотыкались» о сибирские реа-

лии. Свои достаточно смелые взгляды, во многом противоречащие существующему законодательству, он сформулировал в записках, предназначенных для Иркутского генерал-губернатора, которые нам удалось отыскать в архивах Иркутска и Якутска [5, л. 33–37; 1, л. 363, 366]. В своих предложениях губернатор не преследовал далеко идущих целей реформирования сложившейся «еврейской» законодательной базы, а просто как реалист старался приблизить ее к сложившейся в Сибири ситуации.

В отличие от других территорий Сибири в Якутии почти не было «незаконно зашедших» евреев, которые с известной периодичностью в соответствии с законом подвергались выселению. Практически все они оказывались здесь на законных основаниях – как ссыльные, статус которых и, соответственно, отношение к ним властей были четко определены. Однако после отбытия ими ссылки рождалось множество вопросов, которые выходили за рамки единичных случаев и требовали разрешения.

В соответствии с Указом I Общего собрания Правительствующего сената от 20 мая 1887 г. отбывшие ссылку евреи были обязаны вернуться в черту оседлости, так как не имевшие права проживать за ее пределами до осуждения не могли приобрести это право после освобождения. И хотя Манифест 15 мая 1883 г. гарантировал ссыльным право через 9 лет после перечисления в податное сословие самим избрать себе место жительства (за исключением столиц и столичных губерний) с отдачей на пять лет под надзор полиции, специальным Указом от 21 марта 1889 г. Правительствующий сенат исключил из заслуживавших подобную милость лиц еврейского вероисповедания. На каком основании было принято такое решение, остается неясным, так как в Манифесте нет даже намека на зависимость права причисления в новое общество от вероисповедания. Фактически Сенат произвольно превратил дарованное царем послабление, «назначенное к облегчению участи ссыльных», в источник нового наказания для евреев – опять ссылки, на этот раз в «черту», куда они вовсе не рвались, так как за время пребывания в Сибири успевали обзавестись семьей, хозяйством и найти постоянный заработок. С чертой оседлости, напротив, они к этому времени полностью теряли связь, и тамошние общества часто отказывались принять их в свою среду.

Обозначив эту проблему, губернатор В. Н. Скрипицын предложил свой вариант ее решения. «Евреи, сосланные за государственные преступления, обыкновенно тотчас по истечении срока гласного надзора или обязательного пребывания, выезжают из области навсегда, а потому и устройство их быта не требует никаких мероприятий или изменений в действующих узаконениях, – писал он Иркутскому генерал-губернатору А. И. Пантелееву. – Совершенно противоположное представляет положение евреев, водворение которых в области вызвано ссылкой их самих или их родителей административным порядком и по суду... Ссыльные эти и их дети, ...по-видимому, прервали всякую связь с родиной. По крайней мере, ходатайства о возвращении на родину со стороны таких евреев составляют редкое исключение». Отмечая, что в большинстве своем возвращение на родину для еврея, оседло устроившегося в ссылке, представляет мало заманчивого, даже напротив,

иногда грозит разорением, а выехавшие вместе с семьями часто возвращаются назад, ссылаясь на то, что не могут приспособиться к новым условиям и устроить жизнь в новом для них месте, губернатор видел выход в предоставлении разрешения евреям, фактически проживающим в городах под разными предложениями, причисляться к местным городским обществам. Настаивал он и на дозволении евреям свободного передвижения по области [1, л. 366]. Предложение почти революционное, если учесть, что перемещение сибирских евреев без специального разрешения ограничивалось рамками округа (уезда), а до 1900 г. – только города или волости.

В существовавшем законодательстве были четко обозначены две группы еврейского населения с разным правовым положением: сами ссыльные и члены их семей и потомки. Высказанные губернатором предложения касались обеих. Первый поставленный им вопрос касался евреев, ранее причисляемых к инородческим обществам ввиду малочисленности крестьянских. Однако впоследствии их стали причислять к русским селениям, жители которых нередко этому сопротивлялись и не давали ссыльным евреям приемных приговоров. Губернатор считал, что в подобных случаях можно обойтись и без согласия населения сел: «...теперь, когда порядок причисления ссыльных к инородческим обществам прекращен, ...возникающий... вопрос об устройстве судьбы еврея, получившего право на причисление в крестьяне, но не принятого ни одним обществом ни в Европейской России, ни в Азиатской, представлялось бы возможным разрешать, по мнению моему, только установлением порядка причисления... к русским волостям без приемных приговоров».

Обсуждая проблему отлучек евреев из мест их причисления в другие области Сибири, В. Н. Скрипицын пытался найти ответ на два вопроса: во-первых, в какие конкретно области Сибири евреям можно разрешить отлучку? Во-вторых, имеет ли еврей право отлучки в места, определенные для постоянной оседлости евреев, т. е. в Европейскую Россию, и на какой срок? В соответствии с законодательством отлучиться можно было не более чем на два месяца. Однако, по мнению губернатора, этот срок был совершенно недостаточным, поскольку железнодорожного сообщения с Иркутском нет. «Только на проследование вперед и обратно во внутренние губернии нужно два месяца и то в благоприятное время года, – писал В. Н. Скрипицын. – Минимальный срок для Якутской области необходимо установить двойной, т. е. в четыре месяца. Что касается отлучек по Сибири, то для здешних евреев важны увольнения их по торговым делам в Иркутскую губернию, ближайший пункт торговых сделок, срок каковых отлучек ввиду затруднительности путей сообщения, казалось бы, также следовало увеличить если не вдвое, то хотя бы до трех месяцев» [5, л. 35].

Четкое мнение сложилось у В. Н. Скрипицына и относительно проживания евреев в крупных городах. По разъяснению Правительствующего сената (Указ 8 февраля 1902 г. № 1330) округ, к которому был приписан еврей, являлся для него специальной чертой оседлости. Однако полной ясности, можно ли включить в эту «черту» областные (губернские) и окружные (уездные) города или же следует ограничить проживание евреев одними округами (уез-

дами), ни у кого не было. Между тем, как указывал В. Н. Скрипицын в своих записках, областной администратор постоянно сталкивается с необходимостью ответа на этот вопрос. Ссылаясь на тот факт, то евреи все равно найдут возможность обойти правило, фактически запрещающее им поселение в губернских и уездных городах, губернатор предлагал признать окружные города входящими в специальную черту еврейской оседлости, определенную Правительствующим сенатом, а евреям, перечисленным после отбытия наказания в податные сословия, так же как и полноправным сибирским евреям, предоставить право проживания в областном городе [5, л. 36]. Вопреки практиковавшейся политике ограничения поселения евреев в крупных городах В. Н. Скрипицын оправдывал концентрацию евреев в Якутске «положительным отсутствием каких бы то ни было заработков в инородческих улусах и малолюдных поселках» и составом еврейских ссыльных «из лиц, неспособных к сельским занятиям и до ссылки проживавших больше в городах» [1, л. 363]. Однако, по-видимому, не желая прослыть слишком уж рьяным защитником прав «проблемного» этноса, он предлагал право пребывания каждого еврея в Якутске тщательно рассматривать и принимать решение в индивидуальном порядке с учетом давности его пребывания в городе, семейного положения и рода занятий [4, л. 63, 89, 100]. Тем не менее это было достаточно смелым предложением с его стороны, поскольку разрешением осесть в Якутске не приписанным к городскому обществу евреям губернатор фактически нарушал закон.

Особенно часто вставал вопрос о судьбе детей умерших в ссылке евреев: могут ли эти дети оставаться в местах причисления отцов или они обязаны выехать в черту оседлости? Проблема коснулась значительной массы еврейского населения, что также стало предметом переписки В. Н. Скрипицына с Иркутским генерал-губернатором А. И. Пантелеевым [7, л. 19]. Статья 264 Устава о ссыльных издания 1890 г. подтвердила ранее установленный запрет для евреев брать с собою детей мужского пола в возрасте старше пяти лет. Однако требование это часто не соблюдалось, что вызвало значительный наплыв в Сибирь еврейских мальчиков в возрасте старше дозволенного законом, впоследствии причисленных казенными палатами к местным податным обществам. В 1894 г. по распоряжению Министерства финансов это причисление было отменено, но незаконно прибывшие в Сибирь дети ссыльных евреев по разрешению Министерства внутренних дел были оставлены на жительство в Сибири «впредь до разрешения общего законодательным порядком вопроса о правах евреев» [7, л. 19]. Отчисленные из обществ в черте еврейской оседлости, к которым принадлежали до ссылки их родители, и не причисленные ни к одному из обществ в Сибири, эти уже повзрослевшие дети оказались не принадлежащими ни к каким податным обществам, не платили податей, от чего казна несла большие убытки, не выполняли воинскую повинность. Архивные документы зафиксировали немало случаев, когда прибывшие в нарушение статьи 264 Устава о ссыльных дети евреев, уже обзаведшиеся своими семьями и прочно осевшие в области, принудительно выслались в черту оседлости, однако, не принятые в еврейской среде, вынуж-

дены были вернуться. По возвращении они также не находили общества, пожелавшего их принять, вследствие чего получали категорическое предложение о повторном выдворении в пределы Европейской России. Ситуация была признана совершенно ненормальной даже в Петербурге, и 22 апреля 1903 г. высочайшим повелением министру юстиции было предоставлено право «разрешить следовать за осужденными в ссылку евреями их детям мужского пола в возрасте до 14 лет, конечно, по особым ходатайствам на каждый отдельный случай и с обязательной для таких евреев припискою к податным сословиям с согласия или даже без согласия последних» [5, л. 37]. Закон не имел обратной силы, но, желая облегчить участь молодых евреев, выросших в Якутской области, нередко уже оседло устроившихся и чуждых еврейской среды внутренних губерний, В. Н. Скрипицын предложил применять это послабление и по отношению к тем, кто оказался в Якутской области задолго до 1903 г.

Положение молодых евреев, прибывших в область с соблюдением 264-й статьи Устава о ссыльных, т. е. в возрасте до пяти лет, а также родившихся в Сибири, тоже оставалось неясным. Губернатор в своих записках в качестве примера приводит историю сына еврея-ссыльнопоселенца, родившегося в области и отбывшего воинскую повинность. По закону он должен быть причислен к месту причисления его покойного отца – в одном из улусов Якутского округа. Однако он, «будучи полноправным, желал бы причислиться к городскому сословию». Между тем местное мещанское общество не дало ему приемного приговора, что сразу же натолкнуло губернатора на мысль о возможности причисления его к Якутскому мещанскому обществу без согласия последнего [5, л. 37].

Предложения В. Н. Скрипицына слишком уж шли вразрез с имперской политикой по отношению к евреям, часто лежавшей за пределами правового поля и исповедовавшей принцип предоставления евреям естественных для всех этносов гражданских прав лишь в силу особых гражданских доблестей [3, с. 207; 9, с. 289]. Поэтому большинство из них не нашли поддержки на более высоком уровне власти – даже у А. И. Пантелеева, отличавшегося в еврейском вопросе известным либерализмом [1, л. 247, 250–251]. Попытки Скрипицына облегчить положение еврейского населения в полной мере оценили лишь сами якутские евреи в своем прошении о разрешении сбора пожертвований на общинные нужды: «...в лице вашем мы узрели отзывчивое сердце на всякие добрые дела и увидев, с каким добрым чувством вы относитесь ко всем отраслям улучшения Якутского края и видя, что не касаясь никаких национальностей, вы неоднократно относились ко всем нуждам населения, во всех благих делах принимали самое сердечное горячее участие к улучшению, что не скрылось от еврейского населения...» [6, л. 49.1].

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 9. К. 917. Д. 26.
2. Евреи и русская революция: материалы и исследования / ред.-сост. О. В. Будницкий. – М. : Иерусалим, 1999. – 479 с.

3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я). Ф. 12– и. Оп. 1. Д. 8869.
5. НАРС(Я). Ф. 12 -и. Оп. 2. Д. 4444.
6. НАРС(Я). Ф. 12 -и. Оп. 2. Д. 5639.
7. НАРС (Я). Ф. 477 – и. Оп. 1. Д. 9.
8. Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. – М. : Новое изд-во, 2005. – С. 502–531.
9. Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сиб. вопр. – 1905. – № 1. – С. 278–309.

Governor Scripitsyn's Activity in Regard to “The Jewish Question”: Counter to the Imperial Policy

L. V. Kalmina

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article describes the attitude of Scripitsyn, the Governor of Yakut governorate, towards the Jewish settlers in Siberia. The author points out that the Governor-General's position varied considerably from the legal imperial policy.

Keywords: Pale of Settlement, nomination, peasants and commoners, admission, right to resettle.

Кальмина Лилия Владимировна

доктор исторических наук

Институт монголоведения,

буддологии и тибетологии

Сибирского отделения РАН

670042, г. Улан-Удэ-42, аб. яц. 6254

тел.: 8(3012)55-63-78

e-mail: kalminal@gmail.com

Kalmina Lilia Vladimirovna

Doctor of Sciences (History)

Institute of Mongolian,

Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

POB 6254, Ulan-Ude-42, 670042

tel.: 8(3012)55-63-78

e-mail: kalminal@gmail.com